

все же достаточно поздняя работа китайских мастеров, стилизованная «под Непал». Такие волны «стилизации под...» были нередки для искусства Китая. Они связаны, прежде всего, со своеобразным отношением китайской художественной традиции к самому феномену «копирование» и представляют собой интересную тему для отдельного исследования.

Таким образом, небольшая коллекция буддийской бронзы Екатеринбургского музея изобразительных искусств, несмотря на ограниченное количество предметов, является прекрасным образцом буддийского искусства Китая XVIII–XIX вв. и в определенной степени отражает основные процессы и этапы попадания предметов буддийского искусства на Урал.

Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М., 2004. [Ganevskaja Je. V., Dubrovin A. F., Ogneva E. D. Pjat' semej Buddy. Metallicheskaja skul'ptura severnogo buddizma IX–XIX vv. iz sobranija GMV. M., 2004.]

Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб., 2010. [Elihina Ju. I. Kul'ty osnovnyh bodhisattv i ih zemnyh voploshhenij v istorii i iskusstve buddizma. SPb., 2010.]

Инвентарная книга Свердловской картинной галереи «Прикладное искусство № 2». 1936–1960 гг. [Inventarnaja kniga Sverdlovskoj kartinnoj galerei «Prikladnoe iskusstvo № 2». 1936–1960 gg.]

Хазов А. А. Бронза буддийских реликвий и уральский металл победы // Буддизм Ваджраяны в России. М., 2013. С. 460–468. [Hazov A. A. Bronza buddijskih relikvij i ural'skij metall pobedy // Buddizm Vadzhrjany v Rossii. M., 2013. S. 460–468.]

Schroeder U. Indo-Tibetan Bronzes. Hong-Kong, 1981.

Статья поступила в редакцию 20.02.2015 г.

УДК 7.032(31):24 + 243.4 + 244

**З. А. Кринская,
Е. И. Рабинович**

БОГИНЯ ХУДОЖНИКОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: КУЛЬТ САРАСВАТИ В КУЛЬТУРАХ БУДДИЙСКОГО ВОСТОКА

Показывается инкорпорация индуистского божества в индо-буддийский пантеон, формирование новой иконографии и мифологическая адаптация. Рассматривается рецепция культа Сарасвати в Тибете и становление богини в качестве покровительницы монастырских интеллектуалов. Выявляется специфика трансформации функциональных характеристик Сарасвати в дальневосточных культурах, включение в традиционные религиозные структуры через актуализацию родовых характеристик божества.

Ключевые слова: Сарасвати; Янченма; Бэндзайтэн; индийский буддизм; тибетский буддизм; религия бон; китайский буддизм; японский буддизм; буддийское искусство.

Култ богини Сарасвати получил широкое распространение в буддийских странах — Индии, Китае, Японии, Восточной Азии, Непале, Тибете, Монголии. В Индии ее почитают как индуисты, так и буддисты. В связи с рецепцией буддизма, богиня попадает в Тибет под именем Янченма, а затем в монгольский мир, где она известна, как Янжима. Сарасвати появилась и в дальневосточных буддийских пантеонах, став в Китае богиней красноречия и знаний Бяньцзайтянь, а в Японии трансформировавшись в покровительницу богатства Бэндзайтэн. В Непале богиня Сарасвати инкорпорирована в пантеон Ашта-сахасрика-сутры как вторая из 21 формы Тары. Практически повсеместно в этом обширном регионе она является покровительницей наук и искусств — музыки, литературы и красноречия, при этом, несколько парадоксально, отвечая за счастье, удачу и богатство.

Специфична для культа именно этой богини ее связь с социальным статусом человека — она покровительствует интеллектуалам и представителям творческих профессий. В индо-тибетской традиции култ Сарасвати популярен среди монашества, поскольку она признается супругой патрона монастырских философов и мастеров диспута — боддхисаттвы Манджушри. В Китае и Японии она почиталась в аристократической среде, преимущественно в силу своей связи с поэтическим и музыкальным творчеством. Таким образом, без изучения специфики культа богини Сарасвати (как покровительницы интеллектуалов, поэтов, художников, музыкантов) понимание буддийского типа культуры и ее творцов представляется затруднительным, что и обусловило наш интерес к этой фигуре. В настоящей работе авторы стремятся в первом приближении выявить и систематизировать специфику, функциональное назначение, особенности бытования и трансформации образа богини Сарасвати в культурах буддийской Азии.

1. Богиня Сарасвати в Ведах и индуизме. Изначально Сарасвати — это древняя река в ведической Индии. Один из гимнов Ригведы (VI, 61) посвящен Сарасвати и два обращены к ней и сложно идентифицируемому Сарасвату (VII, 95, 96). Т. Я. Елизаренкова отмечает, что здесь «двойная природа этой богини... видна достаточно отчетливо. Это и бурная река с мощными волнами, и покровительница молитвы одновременно» [Ригведа, с. 605]. В ряде источников Сарасвати именуется «богатой водами», ее называют матерью потоков, матерью рек. Ее имя, означающее «водная», или «текущая», подчеркивает то, что изначально она являлась одной из семи священных рек [Foulston, Abbott, p. 27]. Сарасвати упоминается и в других, более поздних древнеиндийских текстах. В *Брихадараньяка-Упанишаде* она возникает как персонифицированная речная богиня: «твоя грудь, которая не иссыкает, которая освежает, которая доставляет богатство, дарует изобилие, которая дает благо, которой ты питаешь всех достойных, — Сарасвати» [Упанишады, с. 155].

Позднее речная богиня начинает отождествляться с богиней *Вач*, речью, и оформляется в самостоятельное божество — покровительницу речи, красноречия, поскольку звуковые эффекты вод здесь ассоциированы с речью человека [Топоров, с. 40]. После этого сфера влияния Сарасвати в религиозной жизни значительно расширилась, поскольку изначально очистительные, целительные

и аграрные функции речной богини переносятся на самостоятельную форму Сарасвати [Foulston, Abbott, p. 27].

В послеведийский период Сарасвати обретает статус дочери (в других версиях — супруги) Брахмы, божества созидания и хранителя Вед. Сарасвати помогает ему в реализации именно созидательных функций [Куслий, с. 85]. В пуранический период богиню могли ассоциировать и с Вишну в статусе его супруги *Пушти* («процветающая») или описывать (к примеру, в *Вишнудхармоттара-пуране*, III–IV вв. н. э.) как самостоятельную богиню [Wauman, p. 432]. В дальнейшем культовый образ Сарасвати всё больше связывается с покровительством ораторскому искусству и изолируется от ее ведических супругов, особенно после того как Брахма начинает утрачивать былую популярность. К милости Сарасвати теперь обращаются в различных ситуациях. Как к богине красноречия к ней взывают поэты, что со временем сделает ее и покровительницей поэзии. Ей посвящают стихи с просьбами о даровании вдохновения, в которых авторы стремятся заслужить милость божества: «эти очаровательные милые глаза на лице, похожем на лотос, эти длинные, черные волосы...» [The splendor of an autumn moon, p. 21].

Она приносит успех интеллектуалам, наделяет необыкновенной проницательностью и эрудицией. Буддисты в Индии боготворят ее как учителя всех наук и искусств, который дарует всевозможные эстетические знания и тонкий ум. «Речь — это сила, через которую знание выражает себя в действии. Сарасвати — источник “созидания Словом”, существующий параллельно “созиданию в пределах формы”» [Danielou, p. 260]. Статус богини как матери поэзии растет, ей начинают приписывать изобретение письменности, но при этом испрашивают удачу, долголетие, увеличение витальных сил. В современной Индии у богини традиционно просят даровать потомство и счастье в семейной жизни. Таким образом, мы видим, что изначально речная богиня Сарасвати становится покровительницей поэзии, ораторского искусства и интеллектуальных видов деятельности, при сохранении родовых черт, ассоциированных с куклами плодородия.

2. Буддийская адаптация культа Сарасвати. Наиболее раннее из известных нам упоминание Сарасвати в буддийских текстах фиксируется в отдельной главе первого китайского перевода *Сутры Золотистого Света* (*Суварнабхаса* или *Суварнабхасоттама Сутра*) Дхармаксемы (датируется 417 г.). И санскритская версия сутры, и ее многочисленные переводы включают главу, посвященную Сарасвати. Сохранилась санскритская версия текста, предположительно середины V в. Китайские переводы датированы более ранним временем, чем сохранившиеся версии на других языках. Согласно К. Людвик, благодаря упоминанию Сутры Золотистого Света в Сутре Сорока двух глав можно предположить, что этот текст проповедовался в северо-западной части Индии уже в I в. н. э., что можно признать нижней достоверно зафиксированной хронологической границей появления культа Сарасвати в буддизме [Ludvick, p. 147, 151]. В фиксирующей этот ранний культ Сутре Золотистого Света богиня обещает защиту и достижение Пробуждения всем, кто слушает и оберегает эту сутру, она дарует сверхъестественную память и способность понимать неточности, восполнять утраченные слова в тексте сутры. «Я, великая богиня Сарасвати, буду <...> пробуждать его

сообразительность, дарить *дхарани*, способствовать его красноречию и освещать того монаха-проповедника великим светом мудрости» [Сутра Золотистого Света]. В этом тексте она еще не связана с Манджушри, что, вероятно, произойдет позднее, по мере дальнейшего развития культа богини.

Подобно водам реки, Сарасвати очищает и исцеляет от болезней. В Сутре Золотистого Света богиня объясняет целительный ритуал омовения, подробно описывает, какие нужны травы для его проведения, какие дхарани необходимо рецитировать, чтобы проводящий ритуал смог спастись от врагов и бедствий, излечиться от болезней. Сарасвати представлена здесь и как охранительное божество, спасающее от бедствий и зловещих сновидений. Как говорит сама богиня: «я удалю беды, [навлекаемые] планетами, распрями, волнениями и звездой рождения, весь вред, [причиняемый] дурными снами и духами-лжеводителями, а также успокою всех проклятых духов и оживших мертвецов» [Там же]. Многие функции, о которых рассказывает Сарасвати, совпадают с функциями богини Тары. Мы можем увидеть это, сравнив текст с Гимном двадцати одной Таре. «Кланяюсь несущей радость, недругов тела крушащей <...> Гонящей кошмары, споры!» [Гимны Таре, с. 43]. Можно предположить, что Сарасвати изначально вошла в буддийский пантеон именно как одна из форм Зеленой Тары, уже позже став супругой бодхисаттвы мудрости Манджушри.

Богиня упоминается и в других ранних буддийских текстах, таких как Буддачарита (приписываемая Ашвагхоше поэма о жизни Будды, датируемая II в.), среди индуистских божеств. Из этих текстов следует, что Сарасвати почиталась как индуистскими, так и буддийскими интеллектуалами без заметных конфессиональных противоречий. Впрочем, в VI в. Карандавьюха-сутра стремится узурпировать за буддистами «право на богиню», наделяет ее исключительно буддийским происхождением, утверждая, что она появилась из зуба Авалоки-тешвары. В других источниках в качестве органа, породившего Сарасвати, вполне резонно называется язык бодхисаттвы [Shaw, p. 237]. Очевидно, что это попытка подведения мифологического основания под связь богини с речью, легализации ее в буддийском мире как покровительницы поэтического и ораторского искусств.

Дальнейшая эволюция Сарасвати в буддизме становится продолжением брачной линии, намеченной еще в ранних ведических текстах, — она признается супругой бодхисаттвы мудрости Манджушри. Благодаря этому ведическая богиня органично инкорпорировалась в буддийский пантеон. Ее имя не претерпело изменений, она сохранила свой облик и функции. Индуистские истоки культа заметны в буддийской литературе, где она может именоваться «эманация Вишну», «Дева гандхарв» или «дочь Брахмы» [Ibid., p. 236].

Сарасвати вошла и в пантеон 21 Тары, приобретая связь с белой формой богини. Эта иконографическая особенность подчеркивается поэтическим уподоблением ее тела осенней луне: «Богиня красноречия, сострадающая мать, стань едина с моею речью. Прекраснее, чем сияние осеннего полнолуния, с голосом, затмевающим сладчайшие мелодии Брахмы, с разумом, постигнуть который так же сложно, как глубины океана, я преклоняюсь пред богиней Сарасвати» [The splendor of an autumn moon, p. 21].

3. Региональная специфика культа Сарасвати в тибетском буддизме и религии бон. В тибетской буддийской культуре нежный образ Сарасвати, казалось бы, мало отвечающий суровым реалиям тибетских нагорий, тем не менее, приобрел определенную популярность. Главным здесь следует признать включение богини еще в индо-буддийский период в ближайшее окружение двух чрезвычайно почитаемых божеств — Манджушри и Тары. Привязка Сарасвати к данным культовым системам производит впечатление некоторой искусственности. Как супруга Манджушри она дублирует ряд его функций, таких как развитие когнитивных способностей, пробуждение интеллектуальной интуиции, наделение преданного последователя даром проповедника и полемиста, литературными талантами. Сиддхи (сверхъестественные способности), даруемые Сарасвати, отличаются скорее полутонами. Если Манджушри — покровитель литературного творчества, то его супруга — вдохновительница поэтов. Манджушри помогает философу с помощью кристально прозрачной логики убедить читателя в истинности его подхода, а Сарасвати дарует литератору скорее способность вызвать у читателя слезы.

В пантеоне 21 Тары (тиб. *Sgrol ma ner gcig ma*) Сарасвати выполняет те же функции, но только с оттенком магии, характерной для всех форм этой богини. Она помогает развитию остроты интеллекта, дарует сиддхи красноречия и артистические таланты, при этом, скорее, в аспекте способностей очаровывать, завораживать сладкозвучной речью, музыкой, танцем, тем самым позволяя обращать направленность сознания живых существ в нужном направлении [Намкай Норбу Ринпоче, с. 41–42]. Имя этой Тары (отождествляемой с Сарасвати) — *Dbyangs can ma* (тиб.), ее различные иконографические формы зафиксированы в двух популярных пантеонах Сурьягупты и Атишы, и в менее известной версии Аштасахасрика праджняпарамита сутры [Chandra, p. 3508, 3555, 3561].

Функциональная специфика культа Сарасвати — дарование поэтического вдохновения — стала причиной популярности ее откровенно женственного и отчасти эротического образа в тибето-буддийской монашеской среде. При этом культ Сарасвати, безусловно, элитарен. Социальная среда, в рамках которой мы его обнаруживаем, это даже не монашество, но, скорее, его интеллектуальная верхушка. В среде студенчества (а в условиях тибето-монгольской монастырской системы образования это прослойка весьма неопределенного возраста от 6 до 60 лет) Сарасвати, бесспорно, находится в тени своего супруга. Манджушри поклонялись (и поклоняются), возносят гимны, рецитируют его мантры и дхараны с целью обретения способностей к изучению буддийских текстов. Считалось, что Манджушри дарует хорошую память, что чрезвычайно актуально для буддийской образовательной традиции, основанной, в первую очередь, на заучивании большого объема текстов. Монгольским же, бурятским и калмыцким учащимся приходилось (в особенности на начальных этапах обучения) весь предписанный им огромный объем текстов выучивать наизусть на чужом и часто малопонятном тибетском языке. Поскольку для большинства студентов успешность в обучении являлась единственным средством продвижения по ступеням лестницы социокультурной иерархии, то естественным образом культ Манджушри доминировал в монашеской среде.

Параллельно с изучением базовых школьных текстов и окружавшей их обширной комментаторской литературой, образовательный процесс включал практику диспута. Здесь поклонение Манджушри было призвано даровать способности (санскр. *siddhi*) убеждения, победы в споре, интеллектуальную смелость и остроту ума. Как отмечает второй Далай-лама, «читаешь мантру и получаешь способность убедить противника» [Избранные сочинения второго Далай-ламы, с. 58].

Кажется очевидным, что в монашеской среде Сарасвати являлась объектом поклонения скорее не сама по себе, но как супруга главного патрона монастырских интеллектуалов. В распространенной в среде школы гелуг (доминировавшей в интеллектуальной жизни тибето-буддийского региона с XVI в.) садхане «Манджушри — речистого льва», бодхисаттва мудрости представлен в союзе с его супругой (санскр. *Vadisimha Manjughosa*) [Chandra, p. 2161]. Молитвенное обращение к супругам функционально почти не дифференцируемо («очистив тьму тупости моего ума, пошли сияние дара мудрости, постигающего теорию Завета и Шастр») [Тексты для ежедневных практик, с. 127], но в обращении к Сарасвати косвенно подчеркивается аспект благозвучной речи.

Неравноценность популярности культов Манджушри и его супруги нашла отражение и в иконографических собраниях. Обыкновенно скульптурные или живописные изображения Сарасвати представлены незначительно, в отличие от ее супруга, поскольку культ Сарасвати получил распространение в рамках весьма узкой социальной группы — среди той части монашества, которая не только читала тексты и заучивала их наизусть, но и сама являлась их авторами. Именно для этой группы был актуален культ дарующей поэтическое вдохновение богини мудрости и красноречия. Культ Сарасвати распространен в интеллектуально-артистической среде, поскольку эта богиня призвана покровительствовать не схоластам, но поэтам, ученым, проповедникам (обращающимся скорее к сердцам, чем к головам своей паствы), авторам гимнов и славословий, художникам, создателям вдохновляющих на свершения агиографий. Показательно, что популярная в Тибете санскритская грамматика «Сарасвати» (санскр.: *Sarasvati-vyakarana*), представлявшая собой упрощенную грамматику Панини, считалась написанной Анабхутисварупачарьей (XIII–XIV вв.), вдохновленным на это лично богиней Сарасвати [Verhagen, p. 117–118].

Малочисленностью этой социальной группы мы склонны объяснять слабую представленность материальной части культа (скульптурные и живописные изображения богини) в сочетании с частотой упоминания Сарасвати во вступительных строфах текстов, традиционно содержащих выражение почтения покровительствующим божествам и молитвенную просьбу о помощи в литературной деятельности. В своем молитвенном обращении к богине второй Далай-лама говорит: «Я почитаю тебя, Сарасвати, за твой дар совершенных навыков в ораторском искусстве, искусстве дебатов и сочинения... Чистое вдохновение будоражит каждый ясный ум, и я умоляю тебя: награди меня мудростью в сочинении, дебатах и обучении» [Shaw, p. 234]. Поскольку сохраняются для последующих поколений именно творения узкой группы пишущих интеллектуалов, то это

делает (в целом, весьма далекий от массовости) культ Сарасвати неожиданно широко представленным в текстах буддийской цивилизации.

Обратимся к тибето-буддийским житиям (тиб. *nam thar*, *namtar*), которые создаются в рамках элитарной, интеллектуальной культуры монастырей, но при этом традиционно имеют широкое распространение и в низовой, народной культуре, являясь для нее, зачастую, основным источником религиозных знаний. Жития представляют собой уникальный источник, поскольку содержат сведения, которые невозможно почерпнуть из текстов других жанров.

Эманацией Сарасвати в традиции буддийской школы нингма является ученица и супруга Гуру Падмасамбхавы Еше Цогъял, которая до этого была женой царя Трисонг Децена (742–797), признанного воплощением бодхисаттвы Манджушри. Согласно легенде, сама Сарасвати явилась к Еше Цогъял, дабы наделить ее различными способностями и умениями: «богиня Сарасвати внезапно появилась перед ней и одарила ее исключительной памятью. Она даровала ей способность всеведения; она даровала ей силу творить чудеса; и даровала ей способность предвидеть все земные события» [Dowman, p. 6–7]. В тибетской буддийской школе нингма считается, что Еше Цогъял упорядочила в виде пяти типов желтых свитков и сокрыла для будущих поколений все учения основоположника буддизма в Тибете Падмасамбхавы [Dudjom Rinpoche, p. 747]. С XI в. и до наших дней эти «скрытые сокровища» (тиб. *gter ma*) обнаруживались и вводились в религиозный обиход, составив тысячи томов текстов.

Согласно жизнеописанию главного интеллектуала школы нингма и чрезвычайно плодовитого автора Лонгченпы (1308–1363), после выполнения им соответствующих ритуалов богиня Сарасвати явилась к нему и в течение недели показывала ему «гору Меру и четыре континента» (т. е. весь буддийский универсум), после чего он обрел интеллектуальную мощь и литературные способности [Dudjom Rinpoche, p. 577]. В жизнеописании Четвертого Кармапы Ролпе Дордже (1349–1383) сообщается, что он заинтересовался индийской поэзией, и тогда к нему во сне явилась Сарасвати, протянула чашу с кислым молоком и велела его выпить. «Наутро, пробудившись от сна, Ролпе Дордже обнаружил в себе новое качество — способность глубоко понимать поэзию» [Тринле, с. 105–106].

В агиографии основоположника школы гелуг Чже Цонкапы (1357–1419) богиня Сарасвати упоминается чаще обычного, что неудивительно, поскольку сам герой жития за свой выдающийся ум был объявлен воплощением бодхисаттвы Манджушри: «Когда <...> Цонкапа прочитал ее мантру 50 миллионов раз, он узрел ее воочию. Его способности к сочинению, диспуту и т. д. очень возросли» [Цонкапа, с. XXXVI]. В житии другого святого традиции гелуг, основателя монастыря Лавран Джамьян Шадбы I (1648–1721) обнаруживаем рассказ о том, как регент объявил «всетибетский конкурс» на работу, посвященную трудным вопросам грамматики. Герой жития отправил на этот конкурс свою работу. Автор агиографии сетует на несправедливость решения регента: «хотя Владыка, пользуясь поддержкой богини Сарасвати, достиг непревзойденной мудрости в изложении ученых вопросов по всей стране Снежных Гор, он все же попал на четвертое место» [Гончог-Чжигмэд-Ванбо, с. 151]. Резонно предположить, что

за поддержкой к Сарасвати обращались и другие, более успешные конкурсанты, к чьим молитвам богиня была более благосклонна.

Все перечисленные тибетские святые были плодовитыми авторами, ведущими интеллектуалами своего времени, что и стало причиной включения в их агиографии сюжета об их связи с богиней красноречия и поэтического вдохновения.

Интересные трансформации претерпел культ божества в монгольском мире. Если монголы следовали преимущественно нормативной тибетской традиции в версии школы гелуг, то у бурят Сарасвати изменилась почти до неузнаваемости. В современной Республике Бурятия Сарасвати становится богиней чадоподатия под именем Янжима, в связи с чем в последние годы мы можем наблюдать формирование новой мифологии, ритуала, трансформацию иконографии божества [Кринская, Рабинович].

Божества мудрости Манджушри и Сарасвати встречаются и в другой тибетской религии — небуддийской традиции Бон. Божество *Мави Сенге* (тиб. *sMra ba'i seng ge*) здесь соответствует буддийскому Манджушри и почти не отличаются от него функционально и иконографически. Сарасвати же в бонской традиции встречается под своим тибетским именем *Янченма* (тиб. *dByang can ma*) и изображается играющей на *вине*. Согласно информации, полученной нами от ламы традиции бон геше Шераба Лхундруба, существует три богини с функциями, аналогичными функциям Сарасвати: *Джаянг Джальмо* (тиб. *sGra dbyang gal mo*), изображающаяся, как и Сарасвати, с музыкальным инструментом (возможно, *пивангом*) в руках, *Шераб Лопельма* (тиб. *Shes rab blo 'phel ma*) и *Шераб Джамма* (тиб. *Shes rab Byams ma*).

Джаянг Джальмо («Владычица речи» или «Царица благозвучия») помогает развитию ораторских и музыкальных способностей, дарует своему адепту «ясность ума». *Шераб Лопельма* («Увеличивающая мудрость ума») подобно Сарасвати в буддизме соотнесена с Мави Сенге как его супруга [ПМА]. Поскольку богиня *Шераб Лопельма* преумножает мудрость, знания и интеллектуальные способности, то к ней обращаются для получения ораторского таланта, дара опровержения ложных воззрений, способности доказывать их ошибочность. *Шераб Джамма* («Прекрасная Богиня Мудрости») — главное воплощение *Са-триг Эрсанг* (тиб.: *Sa trig er sangs*). Она изображается держащей у сердца золотую вазу, в которой содержится драгоценный нектар вдохновения поэтов и ученых [Кваерне, р. 28]. По предположению нашего информанта, *Шераб Джамма* является собирательным образом богинь *Джаянг Джальмо* и *Шераб Лопельма* [ПМА]. Возможно, *Шераб Джамма* олицетворялась с вошедшей в традицию Бон в качестве самостоятельной фигуры *Янченмой*, а *Джаянг Джальмо* и *Шераб Лопельма* появились в результате разделения ее функций (дарования красноречия и мудрости) между двумя богинями.

4. От покровительницы искусств и красноречия к божеству счастья и удачи: культ богини Сарасвати в Китае и Японии. В Китае Сарасвати известна под именем *Бянцитянь* (кит. 辯才天), как богиня учения и красноречия. Она стала известна в Поднебесной благодаря Сутре Золотистого Света. Обращаются к ней и как к богине музыки. Как божество, отвечающее за сферу познания

и постижение искусств, она пользовалась определенной популярностью, поскольку считалось, что чтение и пение очищают шесть чувств (включая сознание) [聖嚴法師. 禪門, р. 176]. Бяндзайтянь дарует и способность четко излагать мысли, учит красноречию, т. е. умению аргументированно отстаивать свою позицию в спорах, приводить ясные доводы в диспутах [馬書田. 華夏諸神: 佛教卷. 中國: 知書房出版集團, р. 183].

Японское имя Сарасвати — *Бэндзайтэн* или *Бэнтэн* (яп. 弁才天, 弁財天 или 弁天), «богиня прекрасной речи» или просто «богиня речи». Написание имени осуществлялось с помощью трех китайских иероглифов (упростились лишь первый иероглиф: самый первый вариант — кит. 辯才天). Более старый вариант — 弁才天, иероглиф 才 означает «одаренный, выдающийся». Он был созвучен японскому слову «деньги, имущество, богатство», обозначавшемуся иероглифом 財, и в начале XIV в. имя богини стало записываться как 弁財天. Возможно, именно это повлияло на ее включение в число божеств удачи и богатства.

Бэндзайтэн со временем была ассоциирована со множеством буддийских и синтоистских божеств. Например, самой известной манифестацией богини является божество святилища Ицукусимы — популярнейшего храма Японии, гигантские ворота-тории которого стали символом этой страны. Ицукусима (яп. 厳島), играющая на *бива*, ками острова в святилище Ицукусимы (яп. 厳島神社) или *Ицукусима Мио-он Бэндзайтэн*. Она начала отождествляться с Бэндзайтэн в конце периода Хэйан, а в период Камакура обрела статус одной из четырех охраняющих богинь *Сингон-сю* на горе Коя [Benzaiten Imagery in Japan].

Главным отличием Бэндзайтэн от Сарасвати стало доминирование функций подачи богатства и процветания. Если у Сарасвати превалировало покровительство поэтам, музыкантам и ученым, то у Бэндзайтэн способности к музыке и наукам отходят на второй план. Помимо этого, у Бэндзайтэн образуются разветвленные «родственные» связи с различными японскими божествами, что неизбежно приводит к дроблению старых функций и приобретению новых.

В Японии мы видим другую, нежели в Китае, картину — здесь происходит значительная трансформация образа Бэндзайтэн — появляются новые формы богини, сочинения и изображения, связанные с ними. К XIII в. ее культ уже несколько оформился и подвергся систематизации. Возникло три апокрифичных текста, посвященных богине, — Бэнтэнсанбукио (Три Сутры Бэнтэн). Иногда к этим трем текстам добавляются еще два, и группа называется «Пять Сутр Бэнтэн». В этих текстах Бэндзайтэн описывается как божество с различными видами оружия, драгоценностью, исполняющей желания, и ключом в своих восьми руках, что указывает на приписанную божеству функцию дарования удачи [Watsky, р. 233]. В этих неканонических текстах отражена форма *Уга Бэндзайтэн*, иконографическими маркерами которой служат изображения ворот-тории над головой и белой змеи с лицом старца (связь с божеством *Угайдином* и со змеями *нага*) на ее голове. Богиню сопровождает свита из 15 божеств — ее детей.

Распространенная мантра Бэндзайтэн, которую рецитируют японские буддисты, заимствована и, строго говоря, обращена к Сарасвати: *On Sarasuwateisowaka* (オンサラスウ アテイソワカ). Эзотерическая мантра Уга Бэндзайтэн из Трех

Сутр Бэнтэн связана уже со способностью богини контролировать финансовые потоки: *Nami Byakujaguyo Ugayajagayarabei Shindamani Hinden Un Sowaka* (なむびやくじゃぎょう うがやじゃやぎやらべい しんだまに ひんでん うん そわか) [Benzaiten Imagery in Japan]. Это просьба о даровании богатства.

Богиня неоднократно упоминается в сборнике буддийских изображений XII в. *Бессон Закки* (яп. 別尊雜記) — «Различные записи о священных изображениях», это конец эпохи Хэйан [Japic]. В тексте *Хокинайден* (яп. 簠簋内伝) появляются имена трех служительниц *Короля небесных лис*, т. е. *Дакинитен*: *Небесная дева*, *Красная дева*, *Черная дева*, которые считаются тремя формами Бэндзайтэн из святилищ *Ицукусимы*, *Эносимы* и *Чикубусимы* [Keul, p. 407].

Скульптурные и живописные изображения Бэндзайтэн встречаются во многих известных храмовых комплексах, таких как *Цуругаока Хатимангу* (яп. 鶴岡八幡宮). После него вторым по популярности храмом рядом с Камакура является храм *Дзэниараи Бэндзайтэн Угафуку* (яп. 銭洗弁財天宇賀福神社). С этим храмом, соответственно, и с Бэндзайтэн, связан знаковый персонаж японской истории Ёритомо Минамото (1147–1199). Согласно легенде, во сне Минамото явился старец, назвавший себя Угайdziном, указал на ручей и велел сделать подношение водой, в этом случае обещая восстановить мир в стране. Минамото выполнил указания и построил храм Дзэниараи Угафуку, который впоследствии стал называться Дзэниараи Бэндзайтэн Угафуку из-за связи богини и Угайdziна [Illes, p. 978]. Этот храм являет собой ярчайший пример религиозного синкретизма Японии: в одном зале рядом друг с другом стоят местное синтоистское божество и заимствованная буддийская богиня.

Появляется множество ритуалов, связанных с Бэнтэн. Японцы приносят ей деревянные таблички с изображениями драконов, змей и вареные яйца, т. к. яйца — любимая еда этих животных. Такие подношения принято делать в первый день змеи в феврале [Ibid., p. 274] и в канун Нового года. Тогда проситель будет непременно вознагражден, и удача будет сопутствовать ему на протяжении всего года.

Другой ритуал связан непосредственно с *Дзэниараи Бэнтэн*. В источнике, возле которого появился храм, местные крестьяне промывали рис. После постройки комплекса этот процесс приобрел новое значение: появилась легенда, что человек не только очистит рис, но и увеличит его количество. Около 1257 г. регент *Токиёри Ходзё* посетил святилище. Он промыл водами источника свои монеты, сказав, что их число может увеличиться вдвое, а то и втрое. С тех пор этот ритуал стал необычайно популярным, а Дзэниараи Бэнтэн и в наши дни один из самых оживленных храмов в Камакура. Стоит отметить, что свое название храм получил благодаря этому обычаю: Дзэниараи — 銭洗, 銭 (*zeni*) — переводится как «цзянь», китайская денежная единица, по образцу которой японцы чеканили свои монеты, а 洗 (*arai*) — мыть. Бумажные деньги также промываются, затем высушиваются. Согласно поверью, если деньги тщательно промыть, то через неделю они вернутся, по меньшей мере, в трехкратном размере [Ibid., p. 275]. В японских культовых практиках, связанных с Бэндзайтэн, как мы видим, вновь актуализируется ее изначальная ведическая функция богини вод, но при этом

она не перестает быть покровительницей красноречия и искусств. В Японии ее почитают как «распределяющего воду ками» [Накорчевский, с. 139].

Культ богини в ее ипостаси покровительницы знаний был популярен, скорее, в аристократической среде, очарованной ее функцией дарования поэтических и музыкальных способностей. В сборнике легенд «*Кокон тёмондзю*» («Собрание старого и нового, известного и услышанного»), составленном около 1254 г., говорится о Фудзивара Монорага, которого называли Повелителем Прекрасного Звука — имя, которое обычно дают Сарасвати [Chaudhuri, p. 47]. Иконографический облик богини обыкновенно включает лютню (*вина*, яп.: *бива*) и подкрепляется рядом китайско-японских имен: *Бэндзайтэн* «красноречие», *Бэнтэн* «музыка», *Мио-он* «чудесный звук», *Би-он* «прекрасный звук», *Даибэнзаи* «великое красноречие», *Даибэнкудоку* «великое красноречие имеющая» [Chandra, p. 3182].

Помимо этого, в Японии Бэндзайтэн превращается в покровительницу любви и красоты [Davis, p. 206]. Обретя особую популярность среди японских женщин, богиня стала и покровительницей гейш. Если женщина мечтала о красивых дочерях, ей предписывалось отправиться в храм Бэндзайтэн и в небольшой пещере или комнате соблюдать пост и молиться со всей душой, как правило, семь дней. Если богиня откликнулась на эти просьбы, то являлась к ребенку во сне, после чего тот превосходил остальных в знаниях и красоте [Suzuki].

Сарасвати-Бэндзайтэн часто изображается в форме белой змеи. В виду географических особенностей Японии она становится не только речной, но и морской богиней. Как водное божество, она предстает стоящей или сидящей на драконе или морском змее, иногда даже принимая его форму [Ibid.].

В народной мифологии Бэнтэн порой не особенно благосклонна к людям. Такова Бэндзайтэн из парка Инокасира. Гуляющим там парам следует проявлять осторожность, поскольку божество столь завистливо, что любое внешнее проявление любви приводит ее в ярость. Чтобы избежать зависти богини, влюбленным следует симулировать ссору [Drazen, p. 216]. До сих пор считается, что свидание в парке Инокасира приведет к разрыву отношений. Вероятно, миф о ревливой Бэндзайтэн имеет средневековое происхождение. Рейко Чибэ пишет, что придворные музыканты, игравшие на бива (инструменте Бэндзайтэн), не связывали себя узами брака. Считалось, что появление супруга может вызвать гнев богини, и тогда она отберет музыкальные способности у артиста [Chiba, p. 14]. Складывается впечатление, что изначально богиня испытывала ревность только в случае контактов своих адептов с другими дамами, а позднее представления о «ревливой богине» обретают универсальный характер. Сейчас женатым парам, которые просят Уга Бэндзайтэн о красивой дочери, рекомендуется совершать поклонение раздельно, поскольку, если они придут вместе, богиня разлучит их [Benzaiten, Benten].

Несмотря на непростой характер божества, японцы воспринимают ее как дарительницу процветания и успехов в творчестве. Последнее придает храму Бэндзайтэн и парку Инокасира особую популярность. До сих пор ближайшая железнодорожная станция называется *Китидзёдзи* (яп. 吉祥寺 — «храм удачи и благоприятного предзнаменования»), а в городе-спутнике Токио Мусасино

(где и находится парк Инокасира) традиционно селятся художники и актеры [井の頭弁財天は].

Мы видим, что культ богини Сарасвати (позднее Бэндзайтэн), пришедший из Китая вместе с буддизмом, значительно трансформировался в Японии, сохранив при этом и свои родовые признаки.

Итак, изначально сакральная река, упоминания о которой встречаются в Ригведе, затем речная богиня, Сарасвати попадает в буддийский пантеон, ассоциируясь с популярными божествами. Позднее происходит привязка к Манджушри, и Сарасвати оказывается его супругой, богиней мудрости и знаний. Затем, приобретая функции богини речи, становится покровительницей красноречия, поэзии, музыки. Сфера ее влияния в дальнейшем расширяется до подательницы удачи, здоровья и богатства.

Изучение культа богини и трансформации ее образа в искусстве стран буддийского региона представляется значимым для изучения буддийской традиции в целом. На протяжении всей истории богине поклонялись различные слои общества: интеллектуальная верхушка индо-тибетского монашества, китайские ученые, японские музыканты, иконописцы и скульпторы в буддийских сообществах Центральной Азии, а позднее и простые верующие, желающие иметь супруга или ребенка. Исследование процесса трансформации образа дает возможность понять механизм формирования нового культа, новой иконографии, а также выявить причины таких изменений.

Очевидно, что без детального изучения культа и иконографии богини Сарасвати наши представления о буддийских культурах останутся лишенными целостности. Здесь мы стремились лишь в первом приближении показать возможности изучения места богини Сарасвати в буддийской цивилизации и осветить наиболее значимые аспекты ее культа и иконографии.

Гимны Таре / пер. с тиб. А. В. Зорина. М., 2009. [Gimny Tare / per. s tib. A. V. Zorina. M., 2009.]
Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже, могущественного ученого и сиддха, называемое «Брод, ведущий к удивительно благому делу». Улан-Удэ, 2008. [Gonchog-Chzhigmjed-Vanbo. Povestvovanie o zhizni Vsevedushhego Chzham'-jan-Shadbij-Dorchzhe, mogushhestvennogo uchenogo i siddha, nazyvajushheesja «Brod, vedushhij k udivitel'no blagomu delu». Ulan-Udje, 2008.]

Избранные сочинения второго Далай-ламы. Тантрические йоги сестры Нигумы. М., 1998. [Izbrannye sochinenija vtorogo Dalaj-lamy. Tantricheskie jogi sestry Nigumy. M., 1998.]

Кринская З. А., Рабинович Е. И. «Через два месяца она забеременела»: конструирование культа богини Янжимы в Баргузинской долине // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем : материалы Междунар. науч. конф. (IX Колосницынские чтения), Екатеринбург, 16–17 апреля 2014. Екатеринбург, 2014. С. 221–226. [Krinskaja Z. A., Rabinovich E. I. «Cherez dva mesjaca ona zaberemenela»: konstruirovanie kul'ta bogini Janzhimy v Barguzinskoj doline // Rossiya i Vostok: kul'turnye svjazi v proshlom i nastojashhem : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (IX Kolosnicynskie chtenija), Ekaterinburg, 16–17 aprelja 2014. Ekaterinburg, 2014. S. 221–226.]

Куслий О. Н. Божественный женский персонаж в контексте основного ведийского мифа // Религиоведение. 2007. №1. С. 82–90. [Kuslij O. N. Bozhestvennyj zhenskij personazh v kontekste osnovnogo vedijskogo mifa // Religiovedenie. 2007. №1. S. 82–90.]

Накорчевский А. А. Синто. СПб., 2003. [Nakorchevskij A. A. Sinto. SPb., 2003.]

Намкай Норбу Ринпоче. Практика Зеленой Тары. СПб., 1997. [Namkaj Norbu Rinpoche. Praktika Zelenoj Tary. SPb., 1997.]

ПМА — Полевые материалы авторов. Интервью с геше Шерабом Лхундрубом, ламой тибетской традиции бон. 04.04.2012. [Polevyje materialy avtorov. Interv'ju s geshe Sherabom Lhundrubom, lamoj tibetskoj tradicii bon. 04.04.2012.]

Ригведа. Мандалы V–VIII / пер. с санскр., ред.: Т. Я. Елизаренкова. М., 1999. [Rigveda. Mandaly V–VIII / per. s sanskr., red.: T. Ja. Elizarenkova. M., 1999.]

Сутра Золотистого Света [Электронный ресурс] / пер. с тиб. А. Кутявичуса. 2004. URL: http://www.fpm.org/teachers/zopa/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (дата обращения: 18.02.2012). [Sutra Zolotistogo Sveta [Electronic resource] / per. s tib. A. Kugjavichusa. 2004. URL: http://www.fpm.org/teachers/zopa/advice/pdf/goldenlightsutra_russian.pdf (mode of access: 18.02.2012).]

Тексты для ежедневных практик / пер. с тиб.: Гелонг Тензин Гонпо, Гелонг Тензин Чойзин. М., 2004. [Teksty dlja ezhednevnyh praktik / per. s tib.: Gelong Tenzin Gonpo, Gelong Tenzin Chojzin. M., 2004.]

Топоров В. Н. Сарасвати — река, речь, красноречие // Indologica. М., 2008. С. 49–62. [Toporov V. N. Sarasvati — reka, rech', krasnorechie // Indologica. M., 2008. S. 49–62.]

Тринле К. История Кармап Тибета. М., 2009. [Trinle K. Istorija Karma Tibeteta. M., 2009.]

Упанишады. Кн. 1 / пер., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1992. [Upanishady. Kn. 1 / per., predisl. i komment. A. Ja. Syrkina. M., 1992.]

Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения : в 5 т. Т. 1. СПб., 1994. [Conkapa Chzhe. Bol'shoe rukovodstvo k etapam Puti Probuzhdenija : v 5 t. T. 1. SPb., 1994.]

Benzaiten, Benten [Electronic resource]. URL: <http://www.onmarkproductions.com/html/benzaiten.shtml> (mode of access: 11.04.2014).

Benzaiten Imagery in Japan [Electronic resource]. URL: <http://www.onmarkproductions.com/html/benzaiten.shtml> (mode of access: 15.10.2012).

Chandra L. Dictionary of Buddhist iconography. Vol. 11. VI. New Delhi, 2003.

Chaudhuri S. K. Hindu Gods and Goddesses in Japan. Hissar, 2003.

Chiba R. The Seven Lucky Gods of Japan. Rutland, 1965.

Danielou A. The myths and gods of India: the classic work on Hindu polytheism. N. Y., 1991.

Davis F. H. Myths and Legends of Japan. N. Y., 2007.

Dowman K. Sky dancer: the secret life and songs of the Lady Yeshe Tsogyel. Ithaca, 1996.

Drazen P. A. Gathering of Spirits: Japan's Ghost Story Tradition. Bloomington, 2011.

Dudjom Rinpoche. The Nyingma School of Tibetan Buddhism. Its Fundamentals and History. Vol. 1. Boston, 1991.

Foulston L., Stuart A. Hindu goddesses: beliefs and practices. Padstow, 2009.

Illes J. The Encyclopedia of Spirits: The Ultimate Guide of Fairies, Genies, Demons, Ghosts, Gods and Goddesses. N. Y., 2009.

Januus. Besson Zakki [Electronic resource]. URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/b/bessonzakki.htm> (mode of access: 20.04.2013).

Keul I. Transformations and Transfer of Tantra in Asia and Beyond. Berlin ; Boston, 2012.

Kvaerne P. The Bon Religion of Tibet: The Iconography of a Living Tradition. Boston, 1996.

Ludvick C. Sarasvati Riverine Goddess of Knowledge. From the Manuscript-carrying vina-player to the Weapon-wielding Defender of the Dharma. Leiden ; Boston, 2007.

Shaw M. E. Buddhist goddesses of India. Princeton, 2006.

Suzuki T. The Seven Gods of Bliss [Electronic resource] // The Open Court, V. XXI. 1907. URL: <http://www.sacred-texts.com/journals/oc/ts-sgb.htm> (mode of access: 15.10.2012).

The splendor of an autumn moon: the devotional verse of Tsongkhapa / transl. by G. Kilty. Boston, 2001.

Verhagen P. C. A history of Sanskrit grammatical literature in Tibet. Vol. 1. Transmission of the canonical literature. Leyden, 1994.

Watsky A. M. Chikubushima: deploying the sacred arts in Momoyama Japan. Seattle, 2004.

Wayman A. Buddhist Insight: Essey. Delhi, 1984.

聖嚴法師. 禪門. /聖嚴法師. Taipei, 1999.

馬書田. 華夏諸神: 佛教卷. / 馬書田. 1993.

井の頭弁財天は [Electronic resource]. URL: <http://www.inokashirabenzaiten.com/profile.htm> (mode of access: 03.04.2014).

Статья поступила в редакцию 19.03.2015 г.

УДК 069:7.03(470.23-25) + 929 Половцевы

М. Г. Пронина

ПОЛОВЦОВЫ КАК СОЗДАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ЦУТР БАРОНА А. Л. ШТИГЛИЦА

Рассматриваются факторы, оказавшие влияние на создание музея при Центральном училище технического рисования, обладавшего одним из лучших собраний восточного искусства в дореволюционной России. Анализируется уникальность комплекса произведений восточного искусства на примере предметов, подаренных музею семьей Половцовых. Исследуются архивные источники, касающиеся меценатской деятельности барона А. Л. Штиглица, супругов А. А. Половцова и Н. М. Половцовой и их потомков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей училища технического рисования в Санкт-Петербурге; восточное искусство; А. Л. Штиглиц; А. А. Половцов; Н. М. Половцова; А. А. Половцов (младший).

В ряду наиболее крупных отечественных коллекций восточного искусства особое место занимает коллекция искусства Китая, Японии, Персии, Индии, некогда принадлежавшая музею Центрального училища технического рисования (ЦУТР), основанного бароном Александром Людвиговичем Штиглицем (1814–1884) в Петербурге. Ныне большая часть произведений этой коллекции находится в собрании Государственного Эрмитажа. В состав коллекции музея ЦУТР входили памятники восточного прикладного искусства, преимущественно XVII–XVIII вв.: удивительные по красоте образцы фарфора, бронзы, лаков, резьбы по слоновой кости, шелковых тканей, эмалей и камнерезных изделий. Особенно многочисленной и разнообразной по составу была китайская часть коллекции [Китайское экспортное искусство..., с. 12]. Вопросы формирования этого собрания представляются весьма актуальными не только в искусствоведческом аспекте, но и с точки зрения изучения наследия уральских промышленников и меценатов. Создателями музея ЦУТР стали наследники мецената барона А. Л. Штиглица, вошедшего в историю отечественного художественного образования, — семья Половцовых¹. Крупные российские промышленники, Половцовы, в числе прочего владели Богословским горным округом на севере Верхотурского

¹ Фамилия Половцовых до начала XX в. писалась в третьем слове через *о*, в дальнейшем (в том числе и в советское время) чаще встречалось написание «Половцевы».